

НАЗАД В 2001

ВТОРОЙ СТАРТ

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

Илья Игнатов

Назад в 2001. Второй старт

<https://litres.ru/74585554>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вчера мне было сорок три. Сегодня — восемнадцать. На календаре — март 2001-го. А мама, которую я похоронил двенадцать лет назад, зовёт завтракать.

В первой жизни я успел открыть дело, влезть в долги и потерять мать. Слишком многое откладывал на потом.

Теперь в кармане сто восемьдесят рублей. У конкурента есть магазин, мастера и репутация. У меня — друг с отвёрткой, первый заказ на триста рублей и опыт собственных ошибок.

Я знаю, куда движется мир. Но знание будущего не оплатит детали и не заставит клиентов доверять восемнадцатилетнему парню. Придётся искать поставщиков, договариваться, рисковать и отвечать за каждое обещание.

Первые заказы могут стать началом своего дела. Чужой аванс — началом новых долгов. А один неверный шаг способен вернуть меня туда, откуда я уже не надеялся выбраться.

Только на этот раз дома меня ждут родители. И я знаю, сколько стоит время, которое обещаешь им «потом».

Я хочу построить своё дело. И успеть вернуться домой, пока меня ещё ждут.

Содержание

Глава 1. Мама	4
Глава 2. Триста рублей	17
Глава 3. Не тот рынок	31
Глава 4. Договор на кухне	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Илья Игнатов

Назад в 2001. Второй старт

Глава 1. Мама

— Максим, если ты ещё раз уснёшь с включённой лампой, я её унесу. Будешь читать на кухне.

Я открыл глаза.

Над головой висела полка. На полке стоял жёлтый автобус с отбитым бампером. Я хорошо помнил, куда делся этот бампер: сунул игрушку под шкаф, а отец доставал её металлической линейкой. Зацепил спереди, дёрнул — пластмасса не выдержала. Мне было семь. Потом автобус много лет стоял именно здесь, пока я не решил, что взрослому человеку в комнате не нужны детские игрушки.

Я лежал под тяжёлым одеялом. У правого локтя упирался в бок скомканный носок. За стеной звякнула ложка о стакан.

— Ты меня слышишь?

Голос был маминым.

Не запись, которую я иногда находил в старой видеокамере. Не то, что мозг воспроизводил спросонья, когда весь день разбираешь семейные фотографии. Она говорила из кухни и была недовольна.

Я сел так быстро, что стукнулся затылком о полку.

— Вот, — сказала мама. — Проснулся. Я же говорю, эту полку надо перевесить.

В комнате пахло пылью от книг, мокрой шерстью и краской. За окном стояла голая рябина. На подоконнике лежал строительный карандаш, которым отец отмечал крепления, когда последний раз пытался переставить мою мебель.

Я смотрел на дверь и не мог заставить себя встать.

Последнее, что я помнил, было совсем другим. Папка с квитанциями на пассажирском сиденье. Белый свет встречной машины на мокром асфальте. Телефон, завалившийся куда-то под ноги. Перед этим я собирался позвонить отцу, но решил: сначала доеду, потом спокойно поговорим.

Потом — удар.

Теперь из кухни пахло жареным луком.

Я поднял руку. Кожа на костяшках была гладкой. На запястье исчез шрам от разбитого стекла, оставшийся после ремонта склада. Я согнул пальцы, разжал, провёл ладонью по лицу.

Подбородок колелся. Но лицо было узким, чужим на ощупь и одновременно слишком знакомым.

У кровати стояли мои старые тапки. Один выцвел сильнее другого, потому что я любил оставлять его на солнце. Я сунул ноги, поднялся и на секунду приготовился к привычному тянущему ощущению в пояснице.

Ничего не потянуло.

Колени тоже молчали. Я сделал шаг и едва не ударил дверь

лбом: тело двинулось охотнее, чем я ожидал.

Мама стояла у плиты в голубом халате. Зажим для волос держал причёску кое-как, и она локтем откидывала прядь со лба, потому что обе руки были заняты. На сковороде лежали вчерашние макароны. Она подцепила их деревянной лопаткой, перевернула, выключила газ.

Я остановился на пороге.

— Мам.

— Ага. И тебе доброе утро. На часы посмотри.

На стене висели часы с нарисованными кофейными чашками. Часы, которые однажды упали с гвоздя и с тех пор опаздывали. Я смотрел мимо них, на маму.

Ей было сорок. Ни седой полосы у виска, ни осторожных движений, ни той усталости, которую я привык находить в последних фотографиях. Она сердито открыла шкафчик, вытащила тарелку и поставила на стол.

— Что с тобой?

Я шагнул к ней и обнял.

Она замерла. Потом прижала лопатку мне к плечу и сказала:

— Максим. Горячая же.

Я отступил, не сразу разжав руки.

— Ты чего? — уже тише спросила она.

— Сон приснился.

Это была единственная фраза, которую я сумел произнести без объяснений. Её оказалось достаточно, чтобы мама

потрогала мой лоб.

— Температуры вроде нет. Садись. Сейчас чай налью.

Я сел на свой табурет. На нём по-прежнему не хватало одного круглого гвоздика. Маленькая ямка впилась в ладонь, когда я ухватился за край.

Мама подвинула сахарницу.

— Только не две ложки. Ты сначала попробуй. Я уже положила.

Я хорошо помнил эту сахарницу. В две тысячи четырнадцатом я завернул её в газетную бумагу, отнёс в кладовку и написал на коробке «кухня». Словно это слово могло объяснить, почему мне жалко выбросить старый пластмассовый предмет с обломанной ручкой.

Сейчас сахарница была целой. На крышке блестели две капли воды.

— Ты вчера поздно лёг? — спросила мама.

— Не помню.

— Очень содержательный ответ. Учиться когда-нибудь начнёшь?

Я отпил чай. Он обжёг язык.

Странно: именно это помогло. Не рассуждение о времени, не попытка проверить реальность, а совершенно обычный ожог. Я выдохнул, поставил стакан и посмотрел на календарь возле холодильника.

Март. Две тысячи первый год. Пятый день был обведён карандашом: «Вернуть книгу Н. А.». Под шестым мама на-

писала время какой-то встречи, а восьмое обвела красной ручкой.

Двадцать пять лет назад.

Я потёр шею.

— Сегодня понедельник?

— Пока да. А у тебя как?

— Тоже.

Мама присела напротив и внимательно посмотрела на меня. Я видел, как она решает, идти ли сегодня в библиотеку или оставить дома странного сына. Мне очень хотелось, чтобы она осталась. У меня даже появилось сразу несколько разумных причин: недомогание, давление, скользкие улицы, ещё что-нибудь.

— Я нормально, — сказал я прежде, чем начал придумывать ей болезнь. — Правда. Просто очень неприятный сон.

— Тогда ешь. Неприятный сон сытнее не делает.

Она вернулась к плите.

Я с трудом проглотил первый кусок. Второй пошёл легче. После третьего выяснилось, что я страшно голоден. Восемнадцатилетний организм, видимо, не собирался ждать, пока сорокатрёхлетний человек разберётся в происшествии.

На холодильнике магнитом держался листок с моим расписанием. Экономический факультет. Первый курс. Сегодня — высшая математика, затем история и иностранный язык. Сбоку моим почерком было написано: «Сдать реферат!!!».

Три восклицательных знака. Будущий специалист по за-

купкам начинал с тех же методов управления, что и многие директора: повышал важность задачи пунктуацией.

— А отец где?

— На работе, где ему ещё быть? У него ранняя. Вечером обещал хлеб принести. Если забудет, ты зайди.

Отец на работе. Мама наливает чай. Я опаздываю на математику.

Это был мой обычный день, который однажды закончился и больше не повторялся. Только в тот день я не знал, что он стоит чего-нибудь особенного.

Я поднял взгляд.

— Ты сегодня во сколько вернёшься?

— Часов в шесть. Почему?

— Хочу... поговорить.

— Так мы разговариваем.

— Я имею в виду, вечером. Нормально.

Она улыбнулась краем рта.

— Хорошо. Вечером поговорим. Только сначала свою тарелку помой, нормальный собеседник.

Я взял тарелку.

В зеркале над умывальником стоял худой парень с помятой щекой. Волосы сзади торчали. Между бровями не было складки, к которой я привык. Я провёл пальцем там, где она должна была находиться.

Молодой человек в зеркале сделал то же самое.

Мы друг другу не понравились. Он выглядел слишком

растерянным. Я, судя по его лицу, тоже не был украшением утренней кухни.

В комнате я нашёл паспорт в нижнем ящике стола. Обложка была почти новая, углы ещё не успели потемнеть. Корнев Максим Викторович. Двадцать второе ноября тысяча девятьсот восемьдесят второго года.

Восемнадцать.

Я сел за стол, положил перед собой паспорт и решил вспомнить вчерашний день. Получилась бесполезная смесь. Отчёт о поставке, который я отправлял перед аварией. Телефонный разговор с начальником склада. И одновременно ощущение, что в этой комнате я недавно писал что-то в клетчатой тетради.

Тетрадь лежала под учебником. Там были формулы, две недописанные задачи и рисунок человечка, который держал виселицу вместо зонта.

Никакой инструкции по возвращению во времени.

Я закрыл тетрадь.

Теоретически следовало лечь, не вставать и дожидаться врача. Но врача пришлось бы вызывать маме. Потом объяснить, почему её здоровый на вид сын утверждает, что ему сорок три и она умерла двенадцать лет назад.

Я не собирался говорить ей такое.

Сначала — понять, что происходит. До этого — вести себя так, чтобы никого не напугать.

В бумажнике обнаружили сто восемьдесят рублей, сту-

денческий билет и автобусный талон. По сравнению с некоторыми моими балансами в первой жизни сумма выглядела скромно. По сравнению с тем, что было на исходе собственного бизнеса, — даже внушительно: никаких кредиторов, никаких писем «мы оплатим на следующей неделе» и никаких чужих денег, которые я по ошибке считал своими.

Я убрал бумажник в карман.

На столе стоял выключенный компьютер. Большой бежевый корпус, пыльная щель дисководов, выпуклый экран. Я нажал кнопку, прислушался к гулу и почти сразу отпустил желание искать ответы в интернете.

Даже если наш телефон уже был подключён к модему — а я этого не помнил, — поисковик не мог сообщить, почему Максим Корнеев оказался в собственной комнате за четверть века до аварии.

Зато мог занять линию, по которой маме собирались звонить из библиотеки.

Я выключил компьютер, не дождавшись загрузки.

Из прихожей донёсся звонок. Два коротких, один длинный. Мама сказала:

— Валентина Петровна. Открой, у меня руки мокрые.

Соседка с четвёртого этажа стояла с папкой под мышкой. Полная, в шапке, хотя в подъезде было тепло. От её пальто тянуло холодом.

— Леночка дома? Мне бы на минутку.

— Заходите.

Она посмотрела на меня с обычной соседской оценкой: вырос, худой, опять без носков.

— Максим, а ты в этих... в компьютерах разбираешься?

Я открыл рот и вовремя закрыл.

В двадцать шестом году я умел работать с десятком программ, быстро строил таблицы, ориентировался в закупочных системах и ругался на программистов убедительнее, чем они этого заслуживали. Однажды даже самостоятельно переставил систему на домашнем компьютере.

Умение делать всё это не означало, что я могу починить её машину.

— Смотря что случилось.

— Ничего не печатает. Совсем. Сегодня надо сдать план по методической работе, до четырёх, а оно вчера работало. Я уже в магазин позвонила. Мне сказали, раньше среды никак.

— Какой магазин?

— «Микрон». Там покупали. Молодой человек по телефону что-то говорил про обслуживание. Будто мне сейчас до обслуживания!

Мама вышла из кухни, вытирая руки.

— У них ещё срок не вышел?

— Да кто его знает. Племянник всё оформлял. Год назад или полтора. Лен, можно у вас напечатать? Мне только четыре страницы.

Я посмотрел на папку. В прозрачном кармане торчал лист, исписанный вручную. Вместо аккуратного плана там были

стрелки, исправления и приписка поперёк страницы.

— Четыре страницы уже в компьютере? — спросил я.

— Конечно. Я вчера весь вечер набирала. И там у меня получилось семь, хотя должно быть четыре. Но это не главное. Оно вообще не печатает.

— Документ открывается?

— Открывается. Я его вижу.

— Тогда сначала попробуем сохранить его отдельно. А принтер включается?

Валентина Петровна с облегчением кивнула: наконец прозвучал вопрос, на который у неё был точный ответ.

— Зелёная лампочка горит.

— Сходить посмотреть я могу. Починить сейчас — не обещаю.

Она сразу напряглась.

— Мне некогда весь день ходить смотреть, Максим. Я бы просто деньги отдала, лишь бы сегодня.

— Сколько у вас времени до выхода?

— До трёх. Часа в три уже надо идти.

До трёх. Это меняло дело. У меня был институт, у неё — срок, у магазина — очередь. Если найти человека, который умеет разбираться в старых компьютерах, не требовалось чудо. Требовалось успеть.

Имя всплыло сразу: Дима Серов.

Мы учились вместе. В первой жизни я знал его как тихого парня, который таскал в сумке отвёртки и мог целую пере-

мену обсуждать какую-то материнскую плату. Позже видел пару раз. На встрече курса он говорил с другими людьми, а я прервал его, потому что срочно нужно было заказать такси. Через несколько лет кто-то сказал, что Дима хорошо устроился и занимается техникой.

Я понятия не имел, насколько хорошо он разбирался в ней сейчас.

Но он хотя бы любил то, что делал. И у него была отвёртка.

— У меня есть знакомый, — сказал я. — Сегодня в институте увижу. Если согласится, придём вдвоём. Позвоню вам до двенадцати и скажу точно.

— А денег сколько?

— Сначала выясним, что нужно сделать. Если получится подготовить и напечатать ваш план сегодня — триста рублей за всю работу. Если выяснится, что принтер сломан и без детали не обойтись, ничего покупать без вас не будем.

Валентина Петровна перевела взгляд на маму.

Мама приподняла брови. Похоже, моё деловое предложение удивило её больше утреннего объятия.

— Ну, смотри, — сказала соседка. — Только не забудь позвонить. Я тогда больше никого искать не буду.

— До звонка ищите. Я ведь ещё не договорился с мастером.

Она недовольно пожала плечами, но номер квартиры всё-таки написала на обороте рекламного листка. Потом сама вспомнила, что я и так знаю, где она живёт, и добавила те-

лефон.

Когда дверь закрылась, мама посмотрела на меня.

— Ты точно не ударился вчера?

— Почему?

— Обычно ты говоришь «не знаю», когда тебя спрашивают про принтер.

— Я и сейчас не знаю.

— Но триста рублей уже знаешь.

— Она платит за готовый план, мам. Не за мой умный вид.

Мама покачала головой. Потом вдруг засмеялась.

— Ладно. Только ей действительно надо сегодня. Валентина паникёрша, но у них проверка. Не подведи.

Я взял куртку.

Ещё полчаса назад мне хотелось сидеть на кухне до вечера и смотреть, как мама переставляет чашки. Теперь я сам выбрал уйти. От этого стало неуютно: разве я уже не делал так однажды? Разве не говорил себе, что работа — причина уважительная?

— Вечером вернусь, — сказал я.

— Куда ж ты денешься. Ключи взял?

Я показал ключи. Мама потянулась поправить мне воротник, и я не отшатнулся, как делал в восемнадцать.

Она заметила. Ничего не сказала.

Во дворе старый дворник сбивал лёд с края дорожки. Снег лежал серыми кучами, воздух пах углём и талой водой. Бережск выглядел ровно так, как должен был выглядеть в на-

чале марта: город ещё не решил, закончилась ли зима.

Я сделал несколько шагов, потом остановился и вдохнул поглубже. Грудь раскрылась без привычного сопротивления. Никакой одышки. Ноги были лёгкими, голова — совершенно нет.

На остановке висело объявление об утерянном кошельке. Хозяин предлагал вознаграждение за документы. Снизу кто-то аккуратно оторвал половину телефонных полосок.

Я похлопал по карману. Паспорт был со мной. Сто восемьдесят рублей тоже.

Мир оставался большим и непонятным. В нём происходило всё, что я однажды прожил, и я помнил гораздо меньше, чем казалось из будущего.

Но ближайшая задача была ясна.

Найти Диму. Убедить его приехать к Валентине Петровне. И успеть напечатать четыре страницы до трёх часов.

Глава 2. Триста рублей

Диму я нашёл не в аудитории.

Сначала пришлось вспомнить, где она вообще находится. Институт в памяти был одним длинным коридором, хотя на деле коридоров оказалось три, и каждый старательно изображал соседний. Я прошёл мимо деканата, узнал стенд с объявлениями, повернул не туда и вышел к кабинету, в котором нам когда-то выдавали справки.

За стеклом сидела женщина с длинной деревянной линейкой. Этой линейкой она придвигала к себе бумаги, не вставая со стула.

Я посмотрел на неё с каким-то нездоровым восхищением. Механизация ручного труда существовала задолго до моих умных таблиц.

— Корнеев, потерялся?

Возле окна стоял Рыжий. Андрей Панов, хотя Андрей ему не особенно подходил. Рыжий подходил целиком: волосам, веснушкам и тому, как он занимал собой свободное место.

Он держал стаканчик с чаем, который пролился на пальцы, но не мешал разговору.

— Ты куда? У нас математика на втором.

— Серова ищу.

— Так он внизу. Опять железо принёс. Сейчас завхозу что-то объясняет.

— Завхозу?

— У них компьютер не включается. Они его Серову показали, он сказал, что всё плохо. Завхоз сказал, что Серов сам плохой. Иди слушай, интересно.

Дима стоял у открытой двери хозяйственной комнаты. На полу лежал системный блок без крышки, и пожилой мужчина в тёмном свитере пытался заглянуть внутрь, не снимая очков.

— Там сзади не просто провод, — говорил Дима. — Вы его отсоедините от розетки. Совсем.

— Да я понимаю!

— А потом крышку трогайте.

— Молодой человек, я ещё до твоего рождения...

— Тогда тем более отсоедините.

В этом ответе не было ни вызова, ни желания понравиться. Дима сказал ровно то, что считал нужным.

Я дождался, пока мужчина выдернет вилку, и позвал:

— Серов. На минуту.

Дима выпрямился. Худой, в вытянутом свитере, с короткими тёмными волосами. На пальце тонкая полоска пластыря. Я вдруг вспомнил, что в институте он постоянно то резался, то обжигался чем-нибудь, а мы считали это естественным состоянием человека с отвёрткой.

— Что?

— Есть работа. Сегодня после занятий. Компьютер, принтер и документ, который нужно сдать к четырём. Сможешь

посмотреть?

Он перевёл взгляд с меня на раскрытый корпус.

— Что сломалось?

— Пока не знаю. Документ открывается, принтер включается, печати нет.

— Модель?

— Не спросил.

— Как подключён?

— Тоже.

Дима помолчал.

— Очень подробная работа.

— Поэтому я пришёл к тебе. За законченный результат клиентка готова отдать триста. Тебе сто двадцать за выезд и диагностику. Если исправим — столько же, без доплаты за каждое нажатие. Если выяснится, что нужна деталь, согласуем отдельно.

— А если не исправим?

— Твои сто двадцать заплачу я. Клиентке обещал результат, не присутствие.

Теперь он посмотрел внимательнее.

— У тебя есть сто двадцать?

— Есть.

— А принтер может вообще не работать.

— Может. Тогда ищем, где напечатать документ. Мне нужен специалист, который сначала сохранит файл, а не начнёт переустанавливать всё подряд.

Дима чуть прищурился.

— А почему ты решил, что я начну переустанавливать?

— Не решил. Уточняю, чего обещал клиентке.

В хозяйственной комнате завхоз снова взялся за отвёртку.

Дима оглянулся, вздохнул и сказал:

— После второй пары. Раньше я не уйду. У меня по математике и так вопрос висит.

— У меня, кажется, тоже.

— У тебя целое сочинение висит.

Мы поднялись на второй этаж.

Я собирался пережить институт как неприятную формальность. Взрослый человек, десятки переговоров, годы работы — чему меня тут могли удивить?

На десятой минуте занятия выяснилось, что производная не интересуется, насколько убедительно я разговаривал с руководителем отдела снабжения.

Преподавательница вызвала меня к доске. Я написал выражение, остановился и долго смотрел на него, надеясь, что мозг найдёт старый архив.

Архив содержал телефон хорошего перевозчика, правила оформления претензий и смутное воспоминание о том, что минус на минус — это иногда полезно. Производной там не было.

— Корнеев, — сказала преподавательница, — вы вчера решали домашнее задание?

— Начал.

— Я заметила. Продолжение где?

По аудитории прошёл смешок. В первом ряду кто-то показал мне два пальца: то ли номер задания, то ли прогноз оценки.

— Принесу на следующую пару, — сказал я.

— Вы и на прошлой так говорили.

Я кивнул.

— Значит, сейчас обещание дороже.

Она посмотрела поверх очков.

— Мне ваши обещания не нужны. Мне нужны решённые задачи. Садитесь.

По дороге к месту я встретился взглядом с Димой. Он молча подвинул тетрадь, показывая начало решения.

Я успел увидеть, где именно ошибся. И где надо было начать.

Взрослый опыт был хорошей вещью. Иногда он позволял раньше признать, что ничего не понимаешь.

На перемене я позвонил Валентине Петровне из автомата у входа. Телефон принимал монеты неохотно, как будто лично считал это обращение невыгодным.

— Мы придём около часа, — сказал я. — Купите пока запас бумаги. И не выключайте компьютер через кнопку, если документ открыт. Сохраните его обычным способом.

— Я сохраняла!

— Ещё раз. И если можете, найдите диски, которые были с принтером.

— Племянник их в коробку сложил. А вы точно придёте?

— Да. В час.

До второй пары осталось пять минут. Я нашёл Диму у лестницы. Он расстёгивал сумку, проверял, что лежит внутри, и не обращал внимания на двух девушек, которым мешал пройти.

— Подвинься, — сказал я.

— А?

Он отступил к стене. Девушки проскочили мимо.

— Что братъ? — спросил я.

— Отвёртка у меня есть. Дискеты нужны. У тебя есть чистая?

— Дома, наверное.

— «Наверное» лучше не брать. Купим. И если у неё документ совсем развалился, ты будешь править. Я не собираюсь два часа расставлять запятые.

— Договорились.

Он закрыл сумку. Я подумал, что до вчерашнего дня не удосужился бы даже спросить, как он хочет работать. Позвал бы, поставил проблему перед ним и потом удивился бы, почему этот тихий парень сердится.

После второй пары мы вышли через боковой вход. Мелкий снег сменился дождём. Дима поднял воротник, а я на ходу купил дискету в киоске у остановки. Вместе с несколькими листами бумаги и мелкими затратами на звонок расход получился тридцать рублей.

Я сложил чек в бумажник. Такие чеки в первой жизни обычно терял, а к концу месяца не мог понять, куда делись деньги.

Валентина Петровна открыла сразу. На кухне у неё остывала кастрюля супа, в прихожей стояла сумка с папками. Всё было готово к выходу, кроме главного.

— Вот, — сказала она и провела нас в маленькую комнату.
— Я ничего больше не трогала.

Монитор занимал полстола. Принтер стоял на старой тумбочке у окна. Дима присел, посмотрел кабель, потом спросил:

— Вы его вчера отключали?

— Нет.

— А компьютер двигали?

— Нет. Только стол протирала.

— Под тумбочкой тоже?

Валентина Петровна посмотрела на него с уважением к человеку, который догадался о её хозяйственной добросовестности.

— Конечно. Там пыли сколько. Я всё вытащила.

Дима молча полез к задней стенке.

Я подвинул себе стул, но не сел к компьютеру. Сначала взял её рукописный план.

— Что именно должны принять?

— План занятий. Вот названия. Сроки. Ответственные. Все четыре страницы, как в прошлом году.

— В прошлом году образец был?

— Да. Сейчас принесу.

Она принесла скреплённые листы. На обложке был заголовок, дальше — таблица. Я сравнил их с тем, что показывал экран.

В новом документе она сделала отступы пробелами. На своей машине текст выглядел почти ровно, зато каждый перенос сдвигал соседний столбец. В конце некоторых строк стояло по пять нажатий Enter. Четыре страницы превратились в семь ещё до того, как принтер решил уйти в отпуск.

— Вы программу меняли? — спросил Дима из-под стола.

— Не знаю. Племянник что-то ставил. Сказал, так удобнее.

Он вылез, уселся у клавиатуры, открыл настройки и показал ей список.

— У вас выбран факс. Этот документ он пытается отправить туда. А сам принтер после отключения остался в автономном режиме. Кабель тоже сидел неплотно.

— Так это всё? — спросила соседка.

Вопрос был нехорошим. Я знал его по тысячам сделок. Человек только что получил объяснение и сразу подумал, что объяснённая проблема не стоила усилий.

Дима выпрямился.

— Надо проверить.

Он поправил кабель, убрал автономный режим и отправил пробную страницу. Принтер зашуршал. Валентина Пет-

ровна приложила ладони к щекам.

— Господи, ну надо же.

Я дождался, пока лист выйдет полностью.

— Теперь сделаем ваш план, — сказал я. — Он пока не помещается в нужный объём.

— Только ничего не потеряйте.

— Сначала копию.

Дима вставил купленную дискету, сохранил на неё документ и проверил, что файл открывается. Затем уступил мне место.

Я сел и на несколько секунд завис. Всё было знакомым, но знакомым издавека. Панели, кнопки, меню. Руки хотели найти привычную команду, которую через двадцать пять лет перенесут в другой угол окна.

— Через таблицу, — сказал Дима.

— Вижу.

— Тогда чего сидишь?

— Наслаждаюсь простотой интерфейса.

— Не похож.

Мы начали править. Я переносил пункты в клетки таблицы, соседка сверяла фамилии, а Дима раз в несколько минут наклонялся и говорил, почему моя попытка сократить страницу сейчас закончится неприятно.

Валентина Петровна хотела впихнуть один длинный пункт в одну строку. Я предложил сократить название. Она возмутилась: именно это название требовало районное

управление. Я вернул его и уменьшил только пустое место сверху.

Работа получилась удивительно похожей на подготовку коммерческого предложения. Только здесь нельзя было скрыть невнятность красивой шапкой: соседка знала каждого ответственного лично и сразу замечала потерянное слово.

В половине третьего я отправил документ на печать.

Мы стояли втроём и смотрели, как выходит первый лист.

На втором не хватило чернил в одной полосе.

Дима закрыл глаза.

— Он у вас долго стоял?

— Неделю. Или две.

— Сейчас обслуживание запустим. Времени немного, но должно помочь. Только ещё раз весь документ пока не посылайте.

Соседка посмотрела на часы. Я собрал первый лист, проверил заголовок и сказал:

— Если не получится, я успею отвезти файл в копировальную точку у института. Но сначала пробуем здесь.

— А это ещё сколько?

— В оговорённые триста укладываемся.

Я не знал, сколько там возьмут за четыре страницы. Знал только, что из ста восьмидесяти собственных рублей тридцать уже ушли, а сто двадцать были обещаны Диме. Запаса почти не было.

Дима запустил очистку, сделал маленькую пробу. Полоса

исчезла. Мы снова напечатали план, проверили каждый лист и сшили его скрепкой из соседкиной папки.

До трёх осталось двенадцать минут.

Валентина Петровна взяла готовые страницы, перечитала шапку и только после этого улыбнулась.

— Действительно четыре.

— Посмотрите ещё фамилии, — сказал я. — Особенно последнюю страницу.

Она посмотрела. Нашла одну пропущенную букву, которую я успел заметить на экране, но по глупости исправил не в той строке. Последний лист пришлось напечатать заново.

Это было неприятно и полезно. Я уже начал чувствовать себя мастером на все случаи жизни, а фамилия «Чернякова» легко поставила меня на место.

Перед уходом Дима показал соседке, как выбирать принтер. Я записал четыре действия на небольшом листке, приклеил рядом с монитором и попросил её повторить самостоятельно.

— Я поняла, — сказала она.

— Всё равно попробуйте.

Она повторила. Принтер выдал страницу. На этот раз никто не стоял над её плечом.

Валентина Петровна вытащила из кошелька три сотенные купюры.

— Вам двоим?

— Да.

— А если опять перестанет?

— Если с теми настройками, которые мы сейчас сделали, будет проблема, позвоните. Если чернила кончатся или сломаётся деталь, сначала скажем, что нужно и сколько стоит. Это другая работа.

Соседка уже не торговалась. Она смотрела на готовую папку, и сумма наконец сравнивалась с тем, ради чего нас позвали.

В подъезде я отсчитал Диме сто двадцать.

Он взял деньги, но не убрал сразу.

— А ты сколько себе?

— Сто пятьдесят. Тридцать ушло на мелочь.

— Нормально ты устроился.

Я ждал раздражения, но он сказал это без злости. Скорее с любопытством.

— Если бы принтер оказался мёртвым, сто двадцать всё равно были бы твоими.

— То есть ты мог остаться без денег.

— Почти.

— Зачем тогда согласился?

Я посмотрел вниз, на лестничный пролёт.

— Потому что у неё была работа, у тебя были руки, а между вами никто не договорился. Такое часто бывает.

Дима сложил купюры.

— Она нам ещё клиента дала.

— Какого?

— Пока ты план правил, сказала. Муж коллеги компьютер ищет для дома. Номер написала под твоим. Климов.

Я вытащил листок. Под соседским телефоном действительно стояло: «Сергей Николаевич. После 19».

Ещё один человек с задачей.

— Сборкой занимаешься? — спросил я.

— Да.

— Только без разгона, света в корпусе и прочего, что мне придётся объяснять покупателю.

Дима посмотрел так, будто я предложил хирургические операции по почте.

— Сначала спроси, что ему нужно. Потом рассказывай, что делать нельзя.

Я рассмеялся.

— Согласен.

Вечером мы с мамой действительно поговорили. Она рассказывала про читателя, который утверждал, что вернул книгу, хотя принёс совершенно другую. Я слушал, мыл чашки и не пытался перевести разговор на своё происшествие.

Отец принёс хлеб, поставил пакет на стол и спросил, почему я так старательно вытираю посуду.

— Заработал, — сказал я.

— Посудой?

— Компьютером. Сто пятьдесят после расходов.

— На пары ходил?

Я ответил, что ходил. Про производную рассказывать не

стал.

Отец снял куртку.

— Сначала институт закончи. С компьютером любой сегодня зарабатывает, завтра сидит.

Я хотел возразить. Сразу нашлись аргументы, прогнозы и несколько очень убедительных фраз про будущий рынок.

Но я видел человека, который целый день работал, а теперь стоял в прихожей с мокрыми плечами. У него был свой опыт. Он не обязан был менять его из-за моей первой удачной прогулки с Димой.

— Посмотрим, — сказал я.

Перед сном пересчитал деньги. Триста тридцать рублей.

Никакого состояния. Даже хорошие ботинки за них не купить.

Зато я знал, откуда взялась каждая купюра. И знал, что человек, которому я позвоню завтра, появился не из моей памяти о будущем.

Его привели четыре напечатанные страницы.

Глава 3. Не тот рынок

Утром я завёл новую тетрадь.

На первой странице написал год: 2001. Ниже — несколько слов, которые в этом времени должны были означать будущие деньги. Интернет. Поиск. Продажи. Связь.

Посмотрел на получившееся и почувствовал знакомое неприятное облегчение. Будто уже сделал часть работы. Хорошая тетрадь обладала тем же опасным свойством, что красивый бизнес-план: на бумаге ты управлял компанией ещё до первого клиента.

Я дописал сбоку: «180 → 330».

Вот это произошло действительно.

Дальше память услужливо принесла несколько больших названий. Я помнил, какие компании вырастут, какие устройства станут привычными и как люди будут покупать товары, сидя дома. Однако не мог вспомнить даже точный месяц, когда вышел на работу мой будущий начальник, не говоря уже о ценах акций в конкретный день.

С номерами выигрышной лотереи было ещё хуже. Я не помнил ни одного из той жизни, в которой имел все возможности их посмотреть.

Я зачеркнул слово «быстро» в заголовке, хотя не помнил, когда успел его написать.

Из кухни позвала мама:

— Тебя к телефону.

Сергей Николаевич Климов решил не ждать вечера. Валентина Петровна вчера вернулась из управления в таком хорошем настроении, что успела рассказать о нас человеку, с которым я собирался связаться только сегодня.

— Я так понял, вы компьютеры собираете? — спросил он.

— Подбираем под задачи. Что хотите делать?

— Дочь учится. Доклады, английский. Мне иногда расчёты. И чтобы не устарел через полгода.

Фраза о полугоде знакомо царапнула слух. Во все времена её произносили люди, которым продавали страх заодно с товаром.

— Давайте я сначала посмотрю, какие у вас программы и что именно нужно. Сегодня после семи удобно?

— Вы ещё учитесь?

— Да.

Пауза была недолгой, но я услышал в ней, как мой голос впервые сравнили со стоимостью техники.

— Ну, Валентина вроде довольна. Приходите. Только мне покупать у ребят с рынка не хотелось бы.

— Сегодня поговорим без покупки. По окончательной цене и составу дадим всё на бумаге.

Он назвал адрес. Я записал и положил ручку поперёк тетради, чтобы не забыть: у меня возникло настоящее обязательство, а не ещё одно слово о будущем.

Перед институтом я зашёл к газетному киоску. Взял мест-

ную газету с объявлениями, раскрыл её у остановки и сразу понял, почему четверть века в памяти ощущалась иначе, чем на улице.

В газете не было удобного поиска. Нужно было глазами отделять видеомagniтофоны от процессоров, приглашения на работу — от продажи трёхкомнатной квартиры. Один продавец указал номер, другой — «спросить Валеру». Цена могла быть в рублях или в условных единицах. Когда товар называли «мощный компьютер», выяснять, что именно в нём мощное, предлагалось самостоятельно.

Я отметил пять объявлений. Потом вспомнил, что за звонки из дома будут платить родители, и написал рядом с каждым вопрос, на который мне нужен ответ. Не хотелось тратить деньги и время на разговоры, заканчивавшиеся «ну, вы ещё подумайте».

Газету я купил на семейную мелочь, которую мама дала вместе с просьбой взять хлеб. Вечером собирался вернуть стоимость из своих денег, но тут же остановился: тетрадь уже превращалась в инструмент, которым я мог либо навести порядок, либо скрыть мелкие изъятия. Газета была расходом поиска заказа. Дальше такие вещи придётся учитывать вместе с услугами, а не объявлять их бесплатными.

В институте Дима дал мне список деталей, которые обычно использовал для домашнего компьютера. Я смотрел на его обозначения и пытался не делать вид, что все они понятны.

— Ты слышал, что он хочет? — спросил Дима.

— Доклады, английский, расчёты.

— Расчёты какие?

— Выясню вечером.

— Тогда это пока список для разговора, не смета.

Он нацарапал сверху: «НЕ ПОКУПАТЬ». Получилось крупно, почти как в моём студенческом реферате.

— Монитор можно взять не новый, — добавил он. — Если бюджет маленький. Но сначала посмотреть. И чтобы от него глаза не вытекали.

— У тебя очень продающая формулировка.

— У тебя пока никакой.

На этот раз я записал поправку без спора.

После занятий пошёл в «Микрон».

Магазин занимал первый этаж кирпичного дома возле рынка. На двери висел лист с режимом работы. За стеклом стояли два монитора, несколько коробок, клавиатура и огромная яркая упаковка от видеокарты. Я поймал себя на том, что невольно оцениваю витрину как закупщик: что продаёт объём, что создаёт ощущение выбора, что там просто потому, что коробку жалко выбрасывать.

Внутри пахло нагретой техникой и картоном. У прилавка спорили два мужчины. Один держал в руках лист, другой — сумку через плечо. За прилавком стоял продавец в белой рубашке с закатанными рукавами.

— Памяти будет достаточно, — говорил он. — Если вы описали программы правильно. Но бухгалтерскую базу сна-

чала посмотрим.

— Там таблицы обычные!

— Обычные таблицы тоже бывают разными. Если после покупки выяснится, что нужен другой объём, это станет доплатой. Лучше сейчас потратить десять минут.

Я остановился у витрины с мышами и послушал.

Продавец не торопился выдать цену. Не пугал покупателя будущим. Не обещал, что любая машина справится со всем. Уточнял, кто будет пользоваться компьютером, где хранится рабочая информация и нужен ли клиенту принтер.

Я успел невежливо подумать, что многое сделал бы так же.

Потом увидел за его спиной полку с готовыми блоками, гарантийные талоны и телефон, по которому он коротко попросил мастера уточнить время выезда. За словами стояли вещи, которых у меня не было.

Мужчины ушли с распечатанной сметой, ещё ничего не купив. Продавец повернулся ко мне.

— Что интересует?

— Домашний компьютер. Бюджет небольшой.

— Насколько небольшой?

— Пока смотрю. Можно прайс?

Он протянул лист. Вверху был логотип «Микрона», внизу — дата и предупреждение, что наличие нужно уточнять.

— Целиком или отдельные детали?

— Скорее отдельные. Вы Олег Вадимович?

— Марков. А мы знакомы?

— Нет. Валентина Петровна с улицы Садовой у вас компьютер покупала. Вчера просила принтер посмотреть.

Он чуть нахмурился, потом кивнул.

— Да. Обращалась. У нас два мастера, оба по организациям. На среду поставили. Проблема решилась?

— Настройки и кабель. Документ тоже пришлось поправить.

— Это вы делали?

— С товарищем.

Марков посмотрел на мою сумку с учебниками, но комментария не сделал.

— Значит, снялась заявка. Хорошо. А комплектующие за чем?

В прошлой жизни я иногда объяснял директору, что конкурент не обязан получать наш внутренний план. Директор соглашался и через десять минут рассказывал его знакомому в курилке.

Я был не лучше. Мне очень хотелось заявить, что мы начинаем дело. Увидеть уважение в глазах человека с магазином.

— Есть домашний заказ, — ответил я. — Хочу посчитать.

— Считайте. Только цены за наличный расчёт. Отсрочка новым покупателям не даётся.

— Даже под готовый заказ?

— Готовый заказ у вас. Детали у меня. Это разные вещи.

Он произнёс это без насмешки. И оказался совершенно

прав.

— С заменой если брак?

— Смотрите условия в талоне. Привозите, проверяем. Если покупаете только деталь, отвечаем за деталь. Сборку целиком мы не видели.

— А проверка на месте?

— Если есть свободный мастер. Заранее договаривайтесь.

Он говорил нормальные, даже удобные вещи. Именно это раздражало сильнее всего. Я пришёл за ощущением преимущества, а получил обычного грамотного предпринимателя. У него не было сведений о будущем, зато были склад, мастера и оплаченный телефон.

— Спасибо, — сказал я.

— Будете собирать — оставьте клиенту контакт, — добавил Марков. — А то у нас половина обращений: «мне знакомый сделал, теперь знакомый пропал». Знакомые особенно хорошо пропадают по субботам.

Я убрал прайс в папку. Эта фраза стоила посещения.

На улице возле магазина подросток продавал диск из пластмассового пакета. Он предложил мне игры, потом программы, потом «вообще всё, что надо». Говорил быстро, уверенно и не задавал ни одного вопроса.

Я прошёл мимо.

Знание о том, что компьютерный рынок вырастет, принадлежало не только мне. Эти люди уже жили в нём. Покупали, чинили, продавали, спорили о совместимости. Мир не

стоял пустым в ожидании сорокатрёхлетнего студента.

Я свернул во двор, сел на край сухой скамейки под козырьком и достал тетрадь.

Первую страницу хотелось оставить. Она была приятной: большие слова, большие возможности.

На следующей я написал три вопроса. Что человеку надо сделать? Когда это должно работать? Кто ответит, если перестанет?

Потом дописал: «Моё преимущество — довести до результата. Не изображать Диму».

Я обвёл три вопроса. С ними можно было идти к клиенту.

Климовы жили в соседнем районе. Я пришёл на десять минут раньше и подождал во дворе: раньше назначенного времени звонить в дверь без необходимости не хотелось. В окне второго этажа девочка раскачивалась на стуле, держа перед собой учебник. Через минуту к ней подошла женщина и стул перестал качаться.

Климов открыл сам. Невысокий, в домашних брюках, с масляным следом на большом пальце. В квартире стоял запах тушёной капусты, из комнаты кричал телевизор.

— Вы Максим? Ну, проходите.

За столом сидела Аня. Она сразу спросила:

— А игры будут?

— Сначала надо узнать, какие, — ответил я.

— Никакие, — сказал Климов. — Для учёбы берём.

Девочка закатила глаза. Я узнал движение настолько хо-

рошо, что едва не улыбнулся. Я сам так реагировал на отцовское «для дела».

— Сергей Николаевич, если она будет пользоваться машиной каждый день, ей хотя бы должно быть удобно за ней сидеть. Давайте сначала посмотрим стол.

Он удивился.

— Компьютера ещё нет.

— Стол-то есть.

Стол был маленьким. Между ним и батареей оставался узкий проход. Для будущего ЭЛТ-монитора места хватало только впритык. Я измерил глубину линейкой Ани, спросил, где будет стоять принтер, и выяснил, что принтер пока не собирались покупать.

— Я на работе распечатаю, — сказал Климов.

— Тогда нужен понятный способ переносить документ. И лучше заранее узнать, в каком виде его откроют на вашей машине.

Он принёс дискету с расчётами. Несколько простых таблиц, по словам хозяина, и текстовая пояснительная записка. Ещё у него была коробка от Windows и диски с программами, доставшиеся от брата вместе со старым сломанным компьютером. Я не стал обещать, что любые диски автоматически решают вопрос с установкой. Попросил показать их Диме и уточнить документы.

— У меня товарищ техническую часть согласует, — сказал я. — То, что сейчас запишем, ещё не окончательная ком-

плектация.

— А вы чем занимаетесь?

— Тем, чтобы вы получили подходящий компьютер, а он не собирал вам тот, который интересен только ему.

Из дверного проёма тихо засмеялась жена Климова.

— Хорошая работа. Серёжа, тебе тоже такой товарищ нужен.

Мы поговорили ещё двадцать минут. Выяснилось, что «не устареть» означает не менять ничего хотя бы пару лет ради обычных школьных работ. Самой важной игрой для Ани была та, которую показывала подруга; максимальной скорости отец не требовал. Он больше боялся покупки, в которой сам не способен проверить ни одной детали.

— Мне главное, чтобы не бегать потом по людям, — сказал он.

Я вспомнил телефон «Микрона», гарантийные талоны и фразу про знакомых, которые пропадают.

— Оставим состав и правила связи на бумаге. При выдаче проверим именно ваши таблицы и Анин документ. Но точную цену назову после расчёта.

— До двенадцати тысяч реально?

В моей голове мгновенно сложилось: старая конфигурация, недорогой монитор, минимальные расходы. Получалось примерно одиннадцать с половиной. На бумаге — очень красиво.

Я уже собирался сказать «реально», но вспомнил взгляд

Димы, когда тот спрашивал, какие именно расчёты нужны клиенту.

— Постараемся уложиться, — ответил я. — Если потребуется экономить на важном, скажу прямо. Приходить с деньгами пока не нужно.

Когда я уходил, Аня поймала меня у двери.

— Если папа скажет, что игры не нужны, вы всё равно спросите про одну, хорошо?

— Спрошу.

— Только не при маме. Она сразу считает, что я двойку получу.

— Тогда попроси папу сама. Это ваш компьютер.

Она посмотрела на меня без благодарности. Я выдержал взгляд. Второй шанс не делал меня посредником в каждом домашнем споре.

Дома я разложил прайсы. Сумма деталей выглядела терпимо, пока в неё не вошли монитор, доставка, время Димы и расходы на возможную замену.

После этого одиннадцать с половиной перестали быть красивыми.

Я набрал номер Серова. Его отец позвал Диму, спросив из трубки:

— Опять про этот компьютер?

— Про другой, — сказал я.

Через минуту Дима выслушал список и сообщил:

— Эта память к этой плате не подойдёт.

Я посмотрел на лист. Возле двух строк стояли самые привлекательные цены.

— В прайсе рядом.

— А в компьютере не рядом. Там либо работать будет, либо нет.

Я зачеркнул первую смету.

Старый рынок встретил человека из будущего и потребовал начать с азов.

Глава 4. Договор на кухне

Вера Аркадьевна сначала попросила меня снять ботинки, а потом — куртку. Только после этого показала компьютер.

— Там пропало, — сказала она.

— Что именно?

— Всё.

Дима открыл папку. В ней лежали документы, фотографии какого-то семейного праздника и файл с названием «новый2окончательный».

— Всё на месте, — сказал он.

— Нет. Таблицы нет.

— Как называлась?

— Отчёт.

Отчётов на машине оказалось девять. Самый новый содержал только заголовок. Вера Аркадьевна объяснила, что вчера работала допоздна, потом «оно спросило», она согласилась и закрыла окно. Теперь ей надо было сдавать расчёт, а расчёта не было.

Она была бухгалтером маленькой торговой фирмы и принесла часть работы домой. Компьютер ей выдали вместе с какими-то программами, ни одной из которых она не любила. В комнате над монитором висел портрет её сына в форме. Каждые несколько минут телефон звонил, и она отвечала всё более раздражённо.

— Да, работаю! — сказала она в четвёртый раз. — Если будешь звонить каждые десять минут, оно само не появится.

Я попросил её вспомнить, откуда открывала файл. Она показала дискету.

Дима посмотрел на меня. Я кивнул.

На дискете лежала вчерашняя версия. Целая. Не последняя, но большая часть работы была там.

— Остальное где считали? — спросил я.

— Вот на листе.

Она вытащила бумагу из-под телефонного справочника. Часть цифр была перечёркнута, рядом стояли новые. Я сел с ней проверять строки, пока Дима настраивал понятное сохранение и делал копию.

На шестой строке цифры не сошлись. Вера Аркадьевна сказала, что в компьютере они сходились. Я предложил ещё раз посчитать по её листу.

— Вы что, мне не верите?

— Верю, что вам нужен верный отчёт. Поэтому давайте проверим.

Она посмотрела на меня, поджала губы, потом взяла калькулятор. Ошибка обнаружилась в переносе суммы. Мы исправили её, сверили остальные строки и сохранили документ в двух местах.

Когда я назвал оговорённые шестьсот рублей, она уже не напоминала, что «сын соседки тоже в этом понимает». Сын соседки был в армии. Мы были за её столом и закончили

работу.

На выходе Вера Аркадьевна спросила, можно ли иногда звонить с вопросами.

— Можно. Если вопрос короткий и по тому, что сегодня сделали. Если нужна новая работа, согласуем время и цену.

— Да какая там работа. Иногда кнопочку сказать.

Взрослая часть меня почувствовала, как в эту щель могут просочиться месяцы бесплатных вечеров.

— Кнопочку по телефону часто трудно найти, — сказал я. — Лучше опишите, чего хотите получить. А я скажу, как помочь.

Она не особенно обрадовалась. Зато записала наше время связи на тот листок, где Дима нарисовал путь к её файлу.

Когда мы вышли во двор, он сказал:

— Ты мог сразу показать дискету и уйти.

— Она бы открыла не ту копию завтра. Или снова потеряла изменения.

— А если она сейчас после нас всё перепутает?

— Тогда у нас будет ещё один вопрос. Главное, чтобы мы сначала сделали обещанное.

Дима понёс сумку дальше молча. Через несколько шагов достал из неё мою тетрадь, которую я сам заставил его взять, и вписал: «Копия до любых действий».

Я добавил ниже: «Проверка результата с клиентом».

На третий день нашего воображаемого большого предприятия появилась первая инструкция. В ней было две стро-

ки.

Вторая работа оказалась совсем другой.

Рыжий поймал нас в институте и заявил, что у его знакомого есть «настоящий интернет». Знакомый при этом не мог отправить письмо, зато его мама прекрасно понимала, сколько стоит телефон.

— Вы придите, сделайте, — сказал Рыжий. — Он отдаст пятьсот. Я уже договорился.

— О чём договорился? — спросил я.

— Что всё будет работать.

Дима поставил сумку на пол.

— Всё — это что?

— Почта. Сайты. Там же ничего сложного. Модем орёт, потом отключается.

— Андрей, — сказал я, — «пятьсот за настройку доступа» нормально. «Всё работает всегда» не обещай. Нам нужен телефон и что они уже купили у провайдера.

Рыжий поморщился.

— Вы даже клиента ещё не видели, а уже всё испортили.

— Мы его не потеряли. Позвоним и уточним.

Знакомого звали Стас. Он принёс домой модем, получил данные подключения, а затем подключил устройство так, как считал красивым: через несколько переходников и удлинитель, который когда-то предназначался совсем для другого угла квартиры. Телефонная розетка держалась на стене из чувства долга.

Дима обошёл квартиру, проверил соединение без длинного удлинителя и объяснил, что часть обрывов начинается здесь. Я поговорил с мамой Стаса.

Она не была против интернета. Ей хотелось, чтобы вечером можно было дозвониться домой и чтобы счёт не становился загадкой.

Стас слушал нас из дверей с видом узника, которому обсуждают режим.

— Я не маленький, — сказал он.

— Тогда запиши, когда подключался и сколько сидел, — предложил я. — Не чтобы мама разрешала каждую минуту. Чтобы самому знать.

— А вы тоже записываете?

Я показал тетрадь расходов.

Рядом с нашим первым заработком красовались газетный прайс и несколько сумм, которые легко было бы забыть. Стас вдруг перестал выглядеть настолько оскорблённым.

Мы отправили тестовое письмо, дождались ответа на проверку, показали порядок подключения и отключения. Дима попросил не дёргать провод из розетки, пока модем работает. Мама записала номер поддержки провайдера, отделив его от нашего номера.

При новом обрыве Стас теперь мог проверить соединение и объяснить провайдеру, что случилось, вместо того чтобы сразу звать нас.

Рыжий ждал нас возле подъезда.

— Ну что?

— Получилось. Пятьсот получили.

— Я же говорил.

— Говорил. За клиента твои пятьдесят. Но в следующий раз сначала уточняем задачу.

Он подержал купюру между двумя пальцами, повертел, затем убрал.

— Серьёзное дело у вас. Пятьдесят за серьёзное знакомство.

— Это не зарплата за разговор. Это оговорённая благодарность за оплаченный заказ. Не устраивает — говори заранее.

— Да устраивает. Есть ещё человек. У него компьютер шумит, как холодильник. Семьсот даст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.